

Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России

Владимир Гельман*

The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia

Vladimir Gel'man

Резюме. Ряд специалистов характеризуют политический режим современной России как одно из проявлений электорального авторитаризма. Каковы основные параметры этого варианта режима в случае России, каковы его институциональные основы и механизмы поддержания? Какова логика его «жизненного цикла» – становления, развития и упадка, и каковы возможности дальнейшей эволюции? Поискам ответов на эти вопросы посвящена данная работа.

Abstract. Many experts argued that political regime in contemporary Russia represented one of the instances of the global phenomenon of electoral authoritarianism. But what are the major features of such a regime in case of Russia, what about its institutional foundations and political pillars? How its life cycle – the emergence, development, and further decay changed over time, and which ways it might evolve in the foreseeable future? My paper sought answers to these questions.

* * *

За период правления Владимира Путина заметно изменились и модус дискуссий среди исследователей российской политики, и содержание полемики между «оптимистами» и «пессимистами», по-разному оценивавшими процессы политического развития страны (Sakwa, 2008; Гельман, 2010). Еще в начале 2000-х годов «оптимисты» были склонны рассматривать российский политический режим как весьма несовершенную «демократию с прилагательными» (Collier, Levitsky, 1997), хотя и обладавшую неким потенциалом для улучшения ее качества (McFaul, 2000); «пессимисты» же говорили о нарастании в стране авторитарных тенденций (Shevtsova, 2000). Но уже в начале 2010-х годов почти никто из серьезных специалистов, говоря о положении дел в России, не использовал термин «демократия»: напротив, речь шла лишь о том, насколько далеко наша страна отстоит от нее. В то время как «пессимисты» безоговорочно говорили о консолидации авторитарного режима в России (Levitsky, Way, 2010; Golosov, 2011), то «оптимисты» предпочитали избегать таких характеристик, то подчеркивая низкую репрессивность российского режима (Krastev, Holmes, 2012), то делая выводы о «гибридном» характере режима в силу присутствия ряда демократических институтов (Petrov et al., 2010; Treisman, 2011). Эти терминологические дебаты, отчасти отражающие сложные проблемы концептуализации политических режимов в сравнительной политологии (Bogaards, 2009) сопровождаются печальным консенсусом экспертов в отношении оценок многочисленных патологий российской политики. Исследователи единодушны в негативной оценке таких симптомов, как нечестные и полные злоупотреблений голосования взамен конкурентных выборов, слабые и безвластные политические партии, подверженные политической цензуре СМИ, послушно штампующие спущенные «сверху» решения законодательной власти на всех уровнях власти, зависимые и глубоко пристрастные суды, произвол государства в управлении экономикой, повсеместная коррупция, etc.

* Владимир Яковлевич Гельман (gelman@eu.spb.ru) – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Finland Distinguished Professor в Александровском институте университета Хельсинки. Работа выполнена в рамках программы «Choices of Russian Modernization» при поддержке Академии наук Финляндии.

Однако, задача научного анализа политических режимов выходит за пределы придания дефиниций и описания симптомов. Гораздо важнее объяснить логику формирования и функционирования российского режима, выявить его основные параметры и страновую специфику, определить его институциональные основы и механизмы поддержания, с тем, чтобы осмыслить траекторию его «жизненного цикла» – становления, развития и упадка, и понять возможности дальнейшей эволюции. Эти вопросы находятся в центре внимания данной работы.

Электоральный авторитаризм: почему?

Политический режим, сформировавшийся в России после распада СССР, согласно мнению ряда специалистов, в русле современной классификации следует характеризовать как «соревновательный» или «электоральный» авторитаризм (Schedler, 2006; Levistky, Way, 2010; Morse, 2012). В таких режимах институт выборов имеет вполне реальное значение, в них допускается участие различных партий и кандидатов – в отличие от «классического» авторитаризма, при котором преобладают фиктивные «выборы без выбора» (Hermet et al., 1978) – примером такого рода на постсоветском пространстве выступает, скажем, Туркменистан. Но формальные и неформальные правила таких выборов предполагают высокие входные барьеры для участия в них, заведомо неравный доступ участников кампаний к ресурсам (от финансовых до медийных), систематическое использование государственного аппарата в целях максимизации голосов за правящие партии и кандидатов, и злоупотребления в пользу последних на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов.

Именно заведомо неравные «правила игры», призванные обеспечить победу инкубентов независимо от предпочтений избирателей, и отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий. Электоральный авторитаризм – явление не новое, но особенное распространение он получил в последние два десятка лет, в том числе и в постсоветских государствах (Hale, 2005; Way, 2005). Классический авторитаризм уступает место электоральному в силу двух причин. Во-первых, регулярное проведение выборов и наличие ограниченной конкуренции позволяет правящим группам этих режимов более эффективно осуществлять контроль как над государственным аппаратом на всех уровнях управления, так и над подчиненными им гражданами, тем самым минимизируя риски внезапного крушения режимов, вызванного внутривнутриполитическими конфликтами (Geddes, 2005). Во-вторых, электоральные механизмы служат средством внутривнутриполитической, и в особенности международной легитимации – в противном случае само функционирование авторитарных режимов может оказаться под угрозой (Magaloni, 2010). Именно поэтому выборы, в силу самой природы политической конкуренции, становятся для электоральных авторитарных режимов тестом на выживание. Им приходится не просто добиваться победы в нечестной и неравной борьбе, но и прилагать немалые усилия для того, чтобы их победы были признаны внутри страны и за ее пределами, а обвинения в нечестности выборов имели не слишком значительный эффект. Хотя многим режимам электорального авторитаризма удается решать эти задачи более или менее успешно, порой массовые протесты (в том числе и по итогам нечестных выборов) могут создать для них вызовы, несовместимые с выживанием, о чем свидетельствует, например, недавний опыт «цветных революций» и «арабской весны». Различия в судьбе этих режимов ставят на повестку дня политической науки нетривиальный вопрос: почему в одних странах электоральный авторитаризм выживает и укореняется на десятилетия (примеров тому немало – от Мексики до Египта), а в других оказывается лишь временным и преходящим явлением (как в Сербии) либо же одни электоральные авторитарные режимы сменяются другими (как в некоторых постсоветских странах)? В этом свете опыт постсоветской России может служить «критическим случаем» (Eckstein, 1975), способным пролить свет на истоки силы и слабости электорального авторитаризма в сравнительной перспективе.

В дискуссиях о причинах упадка и крушения режимов электорального авторитаризма можно выделить две точки зрения. Одна из них склонна рассматривать стабильность этих режимов как результат отсутствия реалистических альтернатив существующему порядку (режиму статус-кво), а их упадок – как следствие массовой мобилизации в результате усилий противников режима, уделяя особое внимание успешной кооперации со стороны оппозиции (Beissinger, 2007; Tucker, 2007). Другие специалисты обращают внимание на уязвимость самих режимов из-за их открытости воздействию Запада и недостаточной силы государственного аппарата и/или доминирующих партий, зачастую не способных эффективно обеспечить контроль правящих групп над политическим процессом (Levitsky, Way, 2010). Споры о том, «кто виноват» в провале электорального авторитаризма – режим или оппозиция (Bunce, Wolchik, 2009; Way, 2008), прежде всего, уделяют внимание историям неудач этих режимов, оставляя в стороне истории их успехов, которые могут быть ничуть не менее поучительны с точки зрения перспектив дальнейшего анализа.

Между тем, постсоветская Россия – по крайней мере, до серии массовых протестов 2011-2012 годов – вполне способна претендовать на то, чтобы выступить примером «истории успеха» строительства электорального авторитарного режим. С одной стороны, лидерам страны удавалось эффективно удерживать свою политическую монополию, опираясь на иерархию государственного аппарата («вертикаль власти») и доминирующую партию («Единая Россия») и ограждая внутреннюю политику страны от «тлетворного влияния Запада». С другой стороны, спрос граждан на политические перемены на протяжении всего постсоветского периода оставался как минимум в латентной форме (Rose et al., 2011; Treisman, 2011), в то время как власти последовательно и систематически стремились избавиться от вызовов режиму статус-кво посредством выстраивания высоких входных барьеров на политическом рынке, умелого использования тактики «разделяй и властвуй», кооптации в качестве «попутчиков» режима одних политических игроков и исключения из истеблишмента других (Wilson A., 2005; Gel'man, 2008a), etc. Волна антисистемной мобилизации зимы-весны 2011-2012 годов несколько поколебала прежнее равновесие, но, по крайней мере, пока, нет оснований говорить о неизбежности крушения электорального авторитаризма в России в ближайшем будущем.

Почему и как история успеха электорального авторитаризма стала возможной в России? Каковы причины возникновения этого режима, механизмы его поддержания, и возможные траектории изменений? В поисках ответов на эти вопросы мы сперва обратимся к анализу институциональных и политических факторов, обусловивших расцвет и последующий упадок российского электорального авторитаризма, затем уделим внимание основным этапам становления и развития режима, и, наконец, обсудим варианты и перспективы его трансформации.

Три источника и три составные части электорального авторитаризма в России

Успешное строительство авторитарных режимов и их обеспечение их выживания – задача не менее, а даже более сложная, чем успешное строительство демократий. Политические лидеры этих режимов вынуждены решать, причем одновременно, три взаимосвязанные задачи. Во-первых, им необходимо избавиться от вызовов со стороны политической оппозиции и, в широком плане, со стороны своих сограждан. Во-вторых, им необходимо минимизировать риски, которые могут исходить от части правящих групп, стремящихся захватить господство (начиная от переворотов и заканчивая открытым присоединением к протестующей против режима оппозиции). Эти задачи могут решаться с помощью как «кнута», так и «пряника», то есть посредством силового подавления (репрессий) либо кооптации (включения части потенциальных конкурентов в состав правящих групп на правах младших партнеров). Наконец, в-третьих, для того, чтобы режим был устойчивым, он должен эффективно использовать инструменты управления: государственный аппарат, силовые структуры, или доминирующую партию. Авторитарные режимы сталкиваются и

с «дилеммой эффективности»: они оказываются под угрозой недовольства режимом статус-кво со стороны масс и элит и в случае, если власти управляют своей страной так плохо, что доводят ситуацию «до ручки», и в случае, если в результате экономического роста усиливаются ожидания и требования демократизации (Huntington, 1991: 55).

Постсоветский авторитаризм в России характеризовался как минимум несколькими важными особенностями, отличавшими его как на фоне «классических» диктатур, так и на фоне некоторых соседей по постсоветскому пространству. Прежде всего, этот режим не только не отказывался от «фасада» сформировавшихся в 1990-е годы демократических институтов – таких, как парламент, многопартийная система, конкурентные выборы, но всячески поддерживал их внешнюю форму, выхолащивая или извращая содержание. Такая практика строительства «демократической потемкинской деревни», типичная для многих режимов электорального авторитаризма, имела целью не только мимикрию, но и кооптацию части правящих групп, реальной либо потенциальной оппозиции, и общества в целом. Эта стратегия отчасти была вынужденной с точки зрения мимикрии и кооптации, минимизируя риски внутривластных конфликтов, но оборотной ее стороной была весьма высокая (и увеличивавшаяся со временем) цена, которую пришлось бы заплатить правящим группам за возможное использование подавления. Другой особенностью российского режима стала нараставшая со временем дисфункциональность его ключевых инструментов управления. Коррупцированная и неэффективная бюрократия, погрязшие в «крышевании» бизнеса правоохранительные органы и неидеологизированная и лишенная автономии от государственного аппарата «партия власти» «Единая Россия» поддерживали лояльность режиму, но они были неспособны (да и не заинтересованы) в продвижении социально-экономических преобразований: фактически сохранение статус-кво выступало для них самоцелью.

Электоральный авторитаризм в России (как и в некоторых других постсоветских странах) изначально возник как побочный продукт разрешения возникших после распада СССР внутриэлитных конфликтов по принципу «победитель получает все» (Gel'man, 2008b). Однако монополизация власти, достигнутая в результате такого исхода, хотя и являлась необходимым условием возникновения электорального авторитаризма, сама по себе отнюдь не гарантировала его устойчивости, о чем свидетельствует опыт тех же Украины или Кыргызстана в ходе и после «цветных революций». Российским властям пришлось приложить немало усилий для обеспечения консолидации электорального авторитаризма. Ими были успешно созданы и/или использованы три важнейших институциональных источника, поддерживающих режим: (1) суперпрезидентализм; (2) субнациональный авторитаризм; (3) доминирующая партия.

Суперпрезидентализм – система разделения властей с высокой концентрацией властных полномочий в руках всенародно избранного главы государства – по мнению ряда специалистов, служит не только следствием монополизации власти в постсоветских авторитарных режимах (Frye, 1997; Levitsky, Way, 2010), но и причиной их стабильности (Fish, 2005). Предельно огрубляя, принцип «игры с нулевой суммой», лежащий в основе суперпрезидентализма (Linz, 1990), резко увеличивает для инкубента цену возможного поражения на президентских выборах, ставя в зависимость от нее не только политическое, но даже физическое выживание главы государства и его ближайшего окружения. Поэтому суперпрезидентализм создает для лидеров электоральных авторитарных режимов, с одной стороны, дополнительные стимулы для удержания власти любой ценой, а с другой – дополнительные вызовы. Им приходится выбирать между соблазном свернуть всякую электоральную конкуренцию как таковую и перейти к «классическому» авторитаризму (как, например, в Казахстане при Назарбаеве) и рисками подрыва режима в случае смены главы государства, когда происходит почти неизбежная реконфигурация патронажных сетей, обуславливающих лояльность элит: примерами такого рода могут служить Украина на излете президентства Кучмы или Грузия накануне падения Шеварднадзе (Hale, 2005). Российскому электоральному авторитаризму, однако, удалось избежать как первого, так и

второго вариантов эволюции режима, хотя данные траектории были не исключены в 1990-е годы.

Неудивительно, что перед Владимиром Путиным, победившим в «войне за ельцинское наследие» 1999-2000 годов, стала задача не просто поддержания режима электорального авторитаризма, но и его институционального укрепления. Помимо прочего, он должен был принудить различные сегменты российских элит к подчинению главе государства, минимизировав риски нелояльности с их стороны. Путину предстояло не просто показать российскому правящему классу «кто в доме хозяин», но создать устойчивое сочетание негативных и позитивных стимулов, обеспечивающее долгосрочную лояльность разных его сегментов. Такое сочетание было обеспечено благодаря двум взаимосвязанным шагам режима, предпринятым в 2000-е годы: (1) Кооптация в единый общероссийский «эшелон» локальных «политических машин», контролируемых главами исполнительной власти регионов и городов; (2) Выстраивание подконтрольной и манипулятивной партийной системы во главе с «партией власти». Ключевыми моментами здесь стали, во-первых, отказ от всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов, а, во-вторых, реформа законодательства о партиях и выборах.

Децентрализованный субнациональный авторитаризм, возникший в ряде регионов России еще в 1990-е годы и укоренившийся в первой половине 2000-х (Gel'man, 2010; Golosov, 2011), служил не слишком надежным союзником Кремля в достижении его целей. Во-первых, он не исключал выхода региональных элит из-под контроля федеральных властей и не позволял избежать рисков коллективных действий с их стороны, как чуть было не произошло в 1999 году (Hale, 2006). Во-вторых, издержки по обеспечению неформального контракта с региональными лидерами по схеме «лояльность в обмен на невмешательство» были для Кремля непомерно высоки. Однако введение фактического назначения глав исполнительной власти регионов в 2004 году позволило федеральным властям решить проблему взаимных обязательств: институциональные изменения задали новые стимулы к поведению субнациональных элит (Reuter, Remington, 2009). Кремль готов был сохранять у власти региональных лидеров в обмен на их способность приносить Центру требуемые голоса избирателей. Способность контролировать электоральный процесс на местах любыми средствами, достигнутая подчас в ущерб эффективности управления, обусловила новый неформальный контракт по схеме «монопольное сохранение власти в обмен на «правильные» результаты голосования» (Golosov, 2011), ставший важнейшей составной частью российского политического режима.

Наконец, «партия власти» «Единая Россия», ставшая важнейшим инструментом Кремля, позволила правящей группе добиться монополии в парламентской (Remington, 2006) и электоральной (Hale, 2006; Gel'man, 2008a) политике. Эта монополия была достигнута во многом благодаря серии институциональных изменений, включавших в себя ужесточение правил регистрации политических партий, повышение проходного барьера на думских выборах, переход от смешанной к пропорциональной избирательной системе, и целого ряда других шагов. Достижение этой монополии позволило Кремлю принудить всех значимых акторов (и общероссийских, и субнациональных) к безусловной лояльности «партии власти». Фраза бывшего губернатора Орловской области Егора Строева «у нас есть две дороги – либо в «Единую Россию», либо в тюрьму» (Golosov, 2011) как нельзя точнее характеризует те стимулы к поведению элит, которые задавали в электоральной и партийной политике созданные в середине 2000-х годов «правила игры». Вместе с тем, присутствие на политической арене «попутчиков» режима в форме «системных» партий облегчало задачу кооптации потенциальных оппозиционеров и (наряду с рядом других присущих демократиям институтов) также работало на поддержание статус-кво (Gandhi, 2008).

Эти институциональные источники, составившие основу электорального авторитаризма в России, сами по себе не могли сделать режим статус-кво более привлекательным ни в глазах элит, ни в глазах сограждан. Но они позволили снизить привлекательность и/или

реалистичность всех возможных альтернатив этому режиму, тем самым поддерживая «вынужденное принятие» (Rose et al., 2004) существующего субоптимального порядка как единственно возможного: как писал Адам Пшеворский, «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, то любой порядок и устанавливается» (Przeworski, 1991: 86). Российский электоральный авторитаризм, таким образом, в 2000-е годы смог достичь консолидации, то есть политического равновесия.

Устойчивость любого авторитарного равновесия, по словам Пшеворского, держится на лжи, страхе или экономическом процветании (Przeworski, 1991: 58). Эти три составные части играли немалую роль и в случае российского электорального авторитаризма, хотя и в иной последовательности. Впечатляющий экономический рост 2000-х годов на долгие годы обеспечил высокий уровень поддержки российскими гражданами правящей группы и режима в целом (Rose et al., 2011; Treisman, 2011), не только снижая издержки Кремля на покупку лояльности россиян, но и расширяя временной горизонт режима статус-кво. Но природа этой высокой поддержки носила не диффузный, а специфический характер (Easton, 1975); иными словами, россияне готовы были поддерживать авторитарный режим лишь постольку, поскольку он приносил им ощутимые материальные блага, а из-за веры в его легитимность и/или справедливость. Неудивительно, что хотя экономический кризис 2008-2009 годов не привел (в силу краткосрочного характера) к критическому спаду массовой поддержки статус-кво, он, наряду с другими факторами, провоцировал риски нарушения равновесия (Рогов, 2010; Белановский, Дмитриев, 2011), проявившиеся в ходе волны протестов 2011-2012 годов.

Экономический рост 2000-х годов также позволял российским властям использовать в качестве главного орудия авторитарного господства, скорее, «пряник», нежели «кнул», не прибегая к систематическим репрессиям в отношении своих противников. Напротив, российский режим обеспечивал гражданам широкий набор индивидуальных, да и гражданских свобод, хотя и серьезно ограничивал их политические свободы, а случаи преследования его противников по политическим мотивам носили по преимуществу «точечный» характер (примерами чего могли служить разгром НТВ в 2001 году и арест Михаила Ходорковского в 2003 году). Характерно, что составленный оппозиционерами в ходе протестов зимы 2012 годы список политических заключенных в России составил 39 имен – невиданно низкий показатель по мировым меркам авторитарных режимов. Страх если не оказаться жертвами репрессий, то ухудшить собственное положение в результате несанкционированного активизма, привитый в 2000-е годы российскому политическому классу, был, пожалуй, сильно преувеличен. Но в более общем плане, страх различных социальных групп перед высокими издержками кардинальных преобразований в политике и обществе (особенно на фоне травматического опыта реформ 1990-х годов) работал на поддержание статус-кво. Перефразируя последнюю фразу «Манифеста коммунистической партии», можно вслед за Сергеем Рыженковым полагать, что большинству российских граждан было что терять при подрыве режима, в то время как цепи оказались не слишком крепки и тяжелы, а приобретения в случае нарушения авторитарного равновесия выглядели неочевидными (Рыженков, 2011: 101). Иначе говоря, страх потерь и избегание рисков способствовали тому, что даже для несогласных с режимом сохранение статус-кво выглядело меньшим злом по сравнению с альтернативами (Rose et al., 2011).

Наконец, третий компонент авторитарного равновесия – ложь – выступала одним из самых заметных элементов электорального авторитаризма. Благодаря монополизации контроля над информационными потоками, Кремль обладал широкими возможностями по успешному проведению манипулятивной «виртуальной политики» (Wilson A., 2005), опираясь на широкий круг пропагандистских средств и, в целом, успешно решал задачи поддержания авторитарного равновесия. Нежелательная для властей информационная среда была загнана в узкое гетто Интернета и отдельных СМИ, за пределами которого доминирование Кремля и его лоялистов было почти безраздельным. Монополизация информационного предложения сочеталась с низким спросом россиян на альтернативную

информацию. Поэтому не приходится удивляться, что, например, несмотря на обширные злоупотребления, российские граждане были склонны расценивать выборы 2007-2008 годов как «честные» (Rose, Mishler, 2009), в то время как одна из участниц фокус-групп наивно (или цинично) признавалась, что в ходе голосований «все прошло честно, но результаты на 50% были сфальсифицированы» (Wilson K., 2012: 152).

Таким образом, важнейшими симптомами консолидации электорального авторитаризма в России выступали лояльность масс и элит по отношению к статус-кво и вынужденная либо добровольная поддержка ими «правил игры», монопольно установленных Кремлем. Следствием этой консолидации стали два важнейших феномена. Во-первых, на уровне политического предложения Путин как доминирующий актер смог создать для своих подчиненных такое сочетание «кнута» и «пряника», которое не оставляло иной стратегии поведения, кроме если не безусловного подчинения, то, по крайней мере, неучастия. Такой механизм координации обозначается как «навязанный консенсус» (Gel'man, 2008a), но, пожалуй, наиболее точная и краткая его характеристика содержится в известной фразе из фильма «Крестный отец» – «предложение, от которого невозможно отказаться». Хотя значительная часть российских элит, согласно данным опроса, проведенного в 2008 году под руководством Михаила Афанасьева, выступала как сторонники демократических институтов и практик (Афанасьев, 2009), но на деле они как минимум не препятствовали авторитарному господству. Во-вторых, хотя уровень общественного активизма в России, как и в ряде других посткоммунистических стран, был невысок и в 1990-е годы (Howard, 2003), в 2000-е годы на смену ему пришло глубокое отчуждение граждан от участия в политике, лишь время от времени нарушаемое локальными «бунтами» по принципу NIMBY (Not-IN-My-Back-Yard). Как показал Грэм Робертсон, массовые протесты в 1990-е годы по большей части служили лишь отражением конфликтов различных сегментов элит (Robertson, 2007); неудивительно, что сужение структуры политических возможностей (Tarrow, 1994) в 2000-е годы повлекло за собой пассивность масс. Сталкиваясь с режимом, граждане так или иначе предпочитали «уход» (exit) в тех или иных формах (от ухода в частную жизнь до отъезда за рубеж), а не «протест» (voice) (Hirschman, 1970), тем самым также поддерживая статус-кво.

Итак, электоральная природа авторитаризма, низкий уровень репрессивности, опора на институциональные основы (суперпрезидентализм, централизованный субнациональный авторитаризм и доминирующая партия), сочетание орудий господства (экономическое благополучие, страх перед нарушением равновесия и ложь «виртуальной политики»), наряду с динамикой спроса и предложения на политическом рынке стали важнейшими чертами российского политического режима. Они не только обеспечили его расцвет, но и повлияли на последующий упадок.

Российский электоральный авторитаризм: стадии жизненного цикла

Не будет большим преувеличением утверждать, что одной из предпосылок становления электорального авторитаризма в России (и некоторых других постсоветских государств) стал процесс демократизации страны в 1989-1991 годах. Он обусловил ключевую роль института выборов как основного инструмента политической легитимации, тем самым если не полностью закрыв дорогу для поворота к «классическому» авторитаризму, то существенно его затруднив. Попросту говоря, важнейшим итогом краткого периода становления электоральной демократии в России стал тот факт, что не подкрепленные итогами выборов претензии на господство воспринимались как нелегитимные (Rose et al., 2011; Hale, 2011). Характерно, что хотя развернувшийся в 1992-1993 годах конфликт между президентом и парламентом России служил типичным проявлением «двойной легитимности» (Linz, 1990), обе стороны обращались не к электоральным механизмам его разрешения, а к их субституту в форме плебисцита, что во многом повлияло и на исход противостояния по принципу «игры с нулевой суммой». Вместе с тем, именно опора

победителей конфликта октября 1993 года на поддержку общества (или, точнее, на отказ общества от поддержки их оппонентов) вынуждала к тому, чтобы использовать выборы в своих интересах и далее. Примечательно, что в то время как на первых думских выборах, прошедших в декабре 1993 года, проправительственные партии потерпели относительное поражение, Ельцин был, прежде всего, озабочен исходом состоявшегося одновременно референдума по проекту конституции России, который давал ему как главе государства весьма широкие полномочия. Поэтому идея возможной отмены «неправильных» итогов выборов была им отвергнута (Эпоха, 2001), и институт выборов в такой ситуации не мог не сохранить свое значение. Если даже обстоятельства появления на свет электорального авторитаризма в России были во многом случайными и связаны с особенностями текущей политической конъюнктуры, но сама по себе логика становления этого режима стала вполне закономерным исходом неудачи демократизации начала 1990-х годов.

Аналогичная дилемма – электоральный vs. «классический» авторитаризм – встала на повестку дня российской правящей группы на новом «критическом моменте» (*critical juncture*) (Collier, Collier, 1991) эволюции политического режима, накануне президентских выборов в марте 1996 года. В начале избирательной кампании уровень массовой поддержки Ельцина не превышал 5%, будучи подорван и затяжным спадом в экономике, и непрекращающейся войной в Чечне. Поражение на выборах и приход к власти оппозиции исключали его выживание не только в качестве политического лидера, но и в смысле гарантий личной безопасности: цена президентских выборов была слишком высока, чтобы Ельцин и его союзники могли пойти на такой риск. Возможность отмены выборов или объявления их результатов недействительными в случае поражения были актуальны для правящей группы: окружение Ельцина даже приступило к роспуску Думы, намереваясь запретить КПРФ и отменить выборы (Эпоха, 2001). Однако цена отказа от существующих «правил игры» и выживания правящей группы посредством подавления оппозиции (и отказа от выборов) была слишком высока. Это могло расколоть элиты еще глубже, чем в декабре 1993 года, привести к окончательной утрате Ельциным контроля над ситуацией в ряде регионов и в стране в целом, да и легитимность Ельцина и всего режима в результате фактически государственного переворота оказалась бы под угрозой. Таким образом, проведение выборов оказалось неизбежным, хотя об их справедливости говорить и не приходилось (Shevtsova, 1999). Электоральный авторитаризм, таким образом, оказался зависим от предшествующего пути: выбор, сделанный однажды, стал воспроизводиться в последующие электоральные циклы, повышая со временем и цену пересмотра «правил игры» для элит, и укореняясь во мнении граждан как наименее приемлемый (Rose et al., 2011).

Но поистине поворотным моментом для судьбы электорального авторитаризма в России стала «война за ельцинское наследие», развернувшаяся накануне думских выборов 1999 года. Поскольку Ельцин не мог далее сохранять за собой президентский пост и не обладал ресурсами для автоматической передачи власти лояльному преемнику (подобно Гейдару Алиеву в Азербайджане), то возникла проблема преемственности лидерства и режима в целом, и вызванная ей угроза внутриэлитного конфликта (Hale, 2005, 2006). Проявлением ее стало формирование блока «Отечество – Вся Россия» (ОВР) – коалиции региональных лидеров и «олигархов», стремилась захвату позиции доминирующего актора с помощью победы на выборах. Кремлю пришлось приложить значительные усилия, чтобы не просто подавить альтернативные механизмы координации элит (Shvetsova, 2003), но и в острой конкурентной борьбе добиться относительного успеха блока «Единство», созданного в ответ на формирование ОВР. Успеху Кремля способствовали и резкий взлет популярности преемника Ельцина – Владимира Путина, и начавшийся после длительного спада и кризиса 1998 года экономический рост, и преобладание пропаганды в пользу «Единства» в большинстве СМИ, обусловившее победу в «информационных войнах» (Epikolorov et al., 2011). Еще в ходе кампании часть участников альтернативной Кремлю коалиции начала стремительно перебегать из лагеря поддержки ОВР на сторону потенциальных

победителей, и перед ее лидерами встал выбор между борьбой за пост президента без серьезных шансов на победу и отказом от борьбы. Результатом стало «недружественное поглощение» ОВР со стороны «Единства» и кооптация ее участников в состав теперь уже новой «выигрышной коалиции» вокруг Путина. Несмотря на то, что конфликт элит (ОВР vs. «Единство») имел электоральное измерение, и в случае относительного баланса сил его участники теоретически мог создать шансы на становление в России электоральной демократии (подобно тому, как произошло в Украине в ходе «оранжевой революции» (Hale, 2005; Gel'man, 2008b)), на деле этот конфликт был разрешен не на поле борьбы за голоса избирателей и его исходом вновь (как и в октябре 1993 года) стала «игра с нулевой суммой».

Новая правящая группа во главе с Путиным после своего прихода к власти в результате победы на выборах 2000 года, должна была дать ответ на вызовы, с которыми столкнулся российский электоральный авторитаризм в ходе «войны за ельцинское наследие». «Работа над ошибками», проведенная Путиным в 2000-е годы, наверное, могла даже заслужить «пятерку с плюсом» в гипотетической школе для диктаторов. Уроки, которые извлек Кремль из конфликта элит 1999 года, а позднее – и из опыта «цветных революций» в постсоветских странах, заключались в том, что политическая монополия не могла просто сохраняться «по умолчанию». Она нуждалась в поддержании посредством политических и институциональных механизмов, позволявших пресечь (или максимально затруднить) альтернативную координацию элит и граждан и резко повысить издержки вхождения на политический рынок. Помимо описанных выше мер – рецентрализации субнационального авторитаризма и инвестиций в доминирующую партию – был нанесен удар по и без того слабым организациям (оппозиционным партиям, независимым СМИ, некоммерческим организациям), которые могли бы предложить такую координацию и снизить издержки. Они оказались перед выбором между кооптацией в рамках лояльности режиму статус-кво на правах его «попутчиков» и роли «нишевой» оппозиции, не имеющей шансов достичь своих целей и обреченной на прозябание на периферии политического процесса (Greene, 2007). Эти «жесткие» ограничения политической конкуренции дополнялись и «мягкими», входящими в стандартное «меню манипуляций» электорального авторитаризма (Schedler, 2002). К ним относились: (1) одностороннее освещение избирательных кампаний в СМИ; (2) прямое и косвенное финансирование избирательных кампаний проправительственных партий и кандидатов за счет государства; (3) систематическое использование государственного аппарата в целях кампании правительственных партий и кандидатов; (4) одностороннее разрешение избирательных споров в пользу проправительственных партий и кандидатов. Вместе с тем, институт выборов был вполне успешно адаптирован для нужд режима. Во-первых, он выполнял функцию легитимации статус-кво. Во-вторых, он также позволял правящей группе легитимно проводить политический курс независимо от предпочтений избирателей. В-третьих, наконец, он служил механизмом частичной смены элит, но не на основе конкуренции, а на основе назначения победителей будущих выборов еще до голосования.

Сокрушительный успех «Единой России» на думских выборах 2007 года (64.3% голосов и 315 из 450 мандатов) стал триумфом электорального авторитаризма. Но этот успех совпал по времени с вызовом конституционных ограничений сроков президентских полномочий. Перед Владимиром Путиным, чей второй президентский срок истекал весной 2008 года, стояла нелегкая дилемма. Он мог добиться пересмотра конституционных норм, изъяв из конституции страны ограничение сроков президентских полномочий, либо предложив принять новую конституцию страны «с нуля», либо, в конце концов, вообще отказаться от конституции как набора формальных «правил игры» в российской политике. По сути, «дилемма Путина» означала выбор в пользу одного из двух вариантов эволюции режима – украшения демократического «фасада» или неприкрытого и не связанного формальными ограничениями авторитарного правления. Схема назначения преемника предполагала движение по пути первого варианта, в то время как избрание Путина на третий срок так

или иначе означало бы поворот российского авторитаризма ко второму варианту, по сути дела, не слишком отличавшегося от «классической» модели.

Скорее всего, мы никогда не узнаем всех деталей кремлевской политики 2000-х годов и едва ли сможем дать ответ на вопрос о том, почему Путин и его окружение предпочли не сохранять все рычаги власти в собственных руках «раз и навсегда», а передать на время часть ресурсов и полномочий лояльному преемнику. Такая схема сулила немалые риски для Путина – поведение его преемника, наделенного большим объемом конституционных полномочий, заведомо предугадать было невозможно: Путин мог разделить участь не мексиканского диктатора Диаса, который в ходе 34-летнего правления дважды уступал пост главы государства лояльным преемникам и позднее без проблем возвращал полноту власти, а нигерийского президента Обасанджо, который после передачи власти преемнику был обвинен в коррупции и вынужденно покинул страну. Эти риски, однако, оказались несущественны, и нелояльность со стороны Дмитрия Медведева Путину не угрожала. Но проблема, скорее, лежала в иной плоскости. Поворот российского политического режима от электорального авторитаризма, замаскированного под демократическим фасадом, к ничем не прикрытой монополии Путина и его команды, мог повлечь за собой довольно высокие издержки для режима. Его легитимность, как внутри страны, так и особенно за ее пределами могла бы оказаться весьма сомнительной. И дело не в том, что для российских лидеров, чрезвычайно чувствительных к своему международному статусу, оказаться в компании диктаторов было бы болезненной неприятностью. Важнее то, что риски сомнительной международной легитимности режима создавали бы проблемы легализации доходов и собственности российских элит за рубежом. Возможно, феномен «оффшорной аристократии» также сыграл не последнюю роль в разрешении «дилеммы Путина». Но не стоит исключать и простой житейской логики такого выбора по принципу «от добра добра не ищут»: проще говоря, поскольку электоральный авторитаризм, несмотря на немалые издержки по его поддержанию, в общем и целом удовлетворял Кремль, то стимулы для кардинального пересмотра «правил игры» оказались явно недостаточными. Если так, то сохранение статус-кво, скорее всего, представляло собой выбор «по умолчанию» – Путин и его окружение, как и многие наблюдатели, вероятно, исходили из ожиданий того, что вся внешняя среда и внутривнутриполитические условия останутся неизменными, по крайней мере, в течение срока пребывания Медведева на посту главы государства. Эти ожидания, однако, оказались частично опровергнуты в ходе электорального цикла 2011-2012 годов, обозначившего тенденцию к упадку электорального авторитаризма в России.

Новым «критическим моментом» для режима стал исход думского голосования в декабре 2011 года, когда «Единая Россия», несмотря на все усилия со стороны режима, не смогла набрать 50% голосов, и последовавшая за ним волна политических протестов. Было ли это поражение электорального авторитаризма «запрограммировано» логикой эволюции режима или оно стало результатом действий ключевых политических акторов? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. Сами по себе поражения авторитарных режимов в ходе несправедливых выборов – явление отнюдь не новое. Феномен «опрокидывающих выборов», когда авторитарные режимы проводят выборы в целях закрепления своей легитимности, но они оборачиваются поражением правящих групп и подчас (хотя и не всегда) открывают дорогу к последующей демократизации, подробно описан, в том числе, и на материале позднего СССР (Huntington, 1991: 174-180). Но его причины и механизмы изучены явно недостаточно. Предварительный анализ российского случая (Гельман, 2012) позволяет утверждать, что ожидания лидеров режима строились ретроспективно и не учитывали изменений политического спроса (Рогов, 2010; Белановский, Дмитриев, 2011). В период президентства Медведева российские власти по преимуществу заботились об украшении виртуального фасада якобы демократической «потемкинской деревни», не придавая серьезного значения тому, что в скрывавшейся за ним стене режима образуются все новые трещины. Видимо, расчет строился на том, что в ходе «обратной замены» в правящем «тандеме» (Путин – президент, Медведев – премьер-министр), который был

анонсирован в сентябре 2011 года, демонтаж «потемкинской деревни» произойдет сам собой. Этот расчет не учитывал, что «потемкинская деревня» была населена гражданами страны, демонтировать которых вместе с «фасадом» (например, посредством массовых репрессий) власти полагали слишком рискованным предприятием, а убедить их закрыть глаза на происходящее (например, посредством покупки лояльности) полагали слишком дорогим и не слишком обязательным средством. Соотношение «кнутов» и «пряников», то есть, позитивных и негативных стимулов к массовому участию, оказалось недостаточно сбалансировано. В период президентства Медведева «кнут» применялся властями слишком селективно и слишком неэффективно, в то время как «пряники», которых (на фоне запредельной коррупции) и без того не хватало на всех, оставались по большей части «виртуальными» и не доставались гражданам страны в достаточной мере. Пагубная самонадеянность правящей группы оказалась наказана по итогам думского голосования декабря 2011 года.

Три составные части российского электорального авторитаризма в ходе протестов 2011-12 годов оказались, как минимум, поставлены под вопрос. Экономическое процветание уже не обеспечивало поддержание статус-кво со стороны «продвинутой» части избирателей (Гайдар, Снеговая, 2012), но оказывалось недостаточным для поддержания лояльности со стороны «периферийного» электората. Страх частично оказался преодолен и благодаря демонстрационному эффекту массовых протестов (Kuran, 1991; Штыков, 2003), и в силу умелого использованию Интернета и социальных сетей со стороны оппозиции (Lonkila, 2012). Наконец, ложь, долгие годы успешно служившая орудием Кремля, уже работала в той же мере, что и «виртуальная политика» 2000-х годов. Оказалось, что известный тезис В.О.Ки «избиратели – не дураки!», широко цитируемый при анализе демократических выборов (Key, 1966: 5), имеет смысл и при анализе выборов в условиях электорального авторитаризма. Тезис Ки в нынешнем российском контексте восходит к знаменитой фразе Линкольна о том, что можно долго обманывать немногих или недолго обманывать многих, но нельзя всегда обманывать всех. Российские граждане могли бы еще некоторое время сохранять прежнее безразличное отношение к режиму статус-кво, если бы не действия оппозиции, которая смогла вовремя умело воспользоваться ошибками правящей группы и применить эффективные средства активизации и мобилизации своих сторонников. Все же, ресурсный потенциал режима, накопленный им в предшествующее десятилетие, оказался достаточно велик, так что власти не успели растерять большинство сторонников, и в конечном итоге, хотя и не без труда, по итогам президентских выборов в марте 2012 года смогли удержать свое господство.

Реакция со стороны режима на относительное поражение электорального авторитаризма и на последующие протесты вписывалась в рамки стандартных моделей, предложенных для анализа эволюции «классических» авторитарных режимов (Przeworski, 1991: 54-66). Если на первых порах ответом на новые вызовы стала более чем ограниченная либерализация «правил игры», то позднее она сменилась попытками возврата к прежнему статус-кво и частичному «закручиванию гаек» и ужесточения санкций по отношению к противникам режима: поскольку сладость «пряников» все равно была недостаточной, то власти взялись за «кнут». Предложенные изначально меры – либерализация правил регистраций новых партий и возврат к выборам глав исполнительной власти регионов – были выхолощены до того предела, за которым они уже не могли создать угрозу утраты власти для правящих групп (так, «муниципальный фильтр» на губернаторских выборах отсекал от участия в них нежелательных кандидатов). Напротив, возврат уголовного преследования за клевету, увеличение штрафов за участие в акциях протеста, принудительное придание статуса «иностранных агентов» общественным организациям, получающим финансирование из-за рубежа, и, наконец, давление на лидеров и участников оппозиционных движений были призваны поднять цену несанкционированного участия в политике, которая снизилась в ходе протестов 2011-2012 годов и не допустить его распространения «вширь» (за пределы столиц) и «вглубь» (на новые социальные группы). Как отмечал в этой связи Григорий

Голосов, целью подобных политических реформ являлась консолидация авторитарного порядка путем придания ему более эффективной институциональной формы, то есть своего рода работа над ошибками и исправление некоторых эксцессов прежнего этапа строительства авторитаризма в России (Голосов, 2012). Но хотя институциональные основы режима не претерпели существенных изменений, его равновесие в основном поддерживалось ложью и страхом. Хотя режим статус-кво мог по-прежнему опираться на то, что альтернативы ему воспринимались как нереалистичные и/или непривлекательные и после волны протестов (Общество, 2012), но консолидация режима была поставлена под вопрос, который звучит так: носит ли упадок российского электорального авторитаризма частичный и временный характер, или же речь идет о систематическом кризисе?

Повестка на завтра

К лету 2012 года казалось, что в России восстановилось политическое равновесие, которое было присуще режиму в предшествующее десятилетие. Путин вернулся на пост главы государства, распределив ключевые позиции и источники ренты («кормушки») среди заинтересованных групп; «попутчики» режима в лице «системных» оппозиционных партий, представителей бизнеса и значительной части «прогрессивной» общественности, то ли по доброй воле, то ли вынужденно смирились с сохранением статус-кво; волна массовых протестов после серии стычек с полицией выродилась в безопасные для властей хэппенинги; экономика росла, хотя и не слишком впечатляющими темпами; наконец, уровень массовой поддержки властей, судя по данным массовых опросов, если и не вернулся к временам «золотого века» первого президентства Путина, то, по крайней мере, выправился после критического спада конца 2011 года, хотя затем и снова стал снижаться (Левада-центр, 2012). Но неустойчивость этого равновесия, отмеченная наблюдателями (Голосов, 2012; Общество, 2012), требует рассмотрения возможных вариантов дальнейшей трансформации электорального авторитаризма. Если вывести за скобки варианты wild card, ведущих к внезапному коллапсу режима, то к ним следует отнести: (1) сохранение режима статус-кво (и его дальнейшее «загнивание»); (2) реакция российских правящих групп на вызовы своему господству путем ужесточения авторитарных тенденций (механизм «жесткой руки»); и (3) пошаговая и, скорее всего, непоследовательная демократизация режима. Реальная практика российской политики может представлять собой комбинацию этих вариантов или последовательное либо непоследовательное чередование их отдельных элементов.

Во-первых, если та среда, в которой функционирует российский политический режим, в обозримом будущем не претерпит кардинальных перемен, если конstellляция ключевых акторов и их возможности по извлечению и перераспределению ренты останутся более или менее теми же, что и сейчас, если давление на режим со стороны оппозиции и протестных движений удастся «сбить» до уровня, примерно соответствующего периоду до конца 2011 года, не стоит ожидать, что правящие группы пойдут на односторонний пересмотр базовых «правил игры». Инерционное развитие событий, предполагающее сохранение нынешних политических институтов России с отдельными, не слишком существенными изменениями выглядит более предпочтительным для российских элит — по сравнению как с демократизацией режима, так и с поворотом к более репрессивному авторитаризму. Однако поддержание политического равновесия потребует от российских правящих групп немалых усилий. Речь идет не только об умелом сочетании «кнута» и «пряника», которое разбалансировалось накануне выборов 2011-2012 годов. Властям почти неизбежно придется прибегать к «точечным» и строго дозированным репрессиям по отношению к своим радикальным оппонентам, проводить политику «разделяй и властвуй» по отношению к противникам умеренным и корректировать формальные и неформальные «правила игры», с тем, чтобы не просто сохранить, но и укрепить статус-кво. «Загнивание», помимо прочего, резко увеличит издержки поддержания равновесия (в

том числе, из-за того, что властям придется увеличить масштабы побочных платежей в качестве платы за лояльность).

А что же общество? Спрос на перемены, столь заметно предъявленный властям в ходе волны протестов 2011-2012 годов, может быть частично удовлетворен отдельными уступками по мелким вопросам, а также политикой кооптации; частично канализирован в «ниши» относительно успешного решения частных проблем, а частично так и оставаться на уровне латентных проявлений недовольства или «бунтов» локального уровня. Иными словами, реакцией значительной части общества на «загнивание» может стать не активный коллективный и публичный «протест», а пассивный индивидуальный «уход», который может проявляться в различных формах, но так или иначе он безвреден для властей, поскольку не только не подрывает статус-кво сам, но и увеличивает издержки по его преодолению для участников протестов. А без кумулятивного и относительно длительного давления на режим со стороны общества кардинальных перемен ждать не стоит. Если так, то «загнивание» может продолжаться, пока издержки поддержания статус-кво не окажутся запретительно высоки, либо пока нынешнее поколение российских руководителей не уйдет в мир иной, подобно поколению советских руководителей эпохи «застоя».

Во-вторых, если правящая группа будет сталкиваться с нарастанием вызовов своему господству в самых разных формах – протестные акции не только разрастутся по числу участников и масштабу, но и приобретут новые (в том числе и насильственные) формы; риски нелояльности со стороны ряда «попутчиков» режима возрастут, а потенциал их кооптации окажется исчерпан, то Кремль столкнется с соблазном взять в руки «кнут» и начать применять его по полной программе. И хотя в длительной перспективе такая стратегия авторитарных режимов нечасто оказывается успешной (особенно если уровень их массовой поддержки низок, а протесты приобрели значительный размах) (Kricheli et al., 2011), на короткой дистанции подобная реакция может оттянуть негативные последствия для режимов за счет последующего роста насилия и конфликтов. Таким образом, нельзя исключить, что и российские власти могут прибегнуть к поддержанию своего господства посредством «жесткой руки», с полным или частичным демонтажом демократического «фасада». Конкретные шаги Кремля на этом пути предсказать трудно; речь может идти о кардинальном пересмотре законодательства и правоприменительной практики в сторону расширения полномочий правоохранительных органов и спецслужб и дальнейших ограничениях прав и свобод граждан, и т.д. Набор возможных изменений «правил игры», равно как и масштабы и длительность репрессий в этом случае, скорее, зависит не от того, насколько реально велики вызовы для правящих групп и связанные с ними риски, а от того, в какой мере эти вызовы и риски будут восприниматься как критически опасные. При таком развитии событий правящей группе придется не только намного увеличить издержки контроля и подавления, но и пойти на масштабное повышение побочных платежей «силовикам» в качестве платы за лояльность. Но не стоит ожидать, что возможный поворот российского политического режима к сценарию «жесткой руки» сам по себе может спровоцировать нарушение равновесия, даже если расширение репрессий будет угрожать значительной части «несогласных» с правящей группой. До тех пор, пока «уход» в форме отъезда из страны будет оставаться для «продвинутой» части россиян более доступной альтернативой «протесту» против статус-кво, риски сопротивления со стороны общества для правящих групп будут не слишком велики. Но опыт ряда стран (Davenport, 2007) говорит о том, что существующие на протяжении некоторого времени авторитарные режимы с изначально низким уровнем репрессивности довольно редко становятся намного более репрессивны – после длительного успешного опыта раздачи «пряников» эффективное использование «кнутов» оказывается не столь простой задачей. Кроме того, в случае поворота к «жесткой руке» риски нарушения баланса сил внутри правящих групп и дисфункциональность аппарата подавления могут оказаться столь велики, что неудачная попытка применения репрессий против сограждан грозит повлечь за собой крах режима, подобно произошедшему в августе 1991 года в СССР.

Наконец, в-третьих, «ползучая демократизация» (Przeworski, 1991) – поэтапный, иногда довольно длительный процесс демократизации посредством серии стратегических действий правящей группы и оппозиции, меняющих свои стратегии под воздействием шагов друг друга, предполагает, что под давлением оппозиции правящие группы могут пойти на частичную либерализацию режима, а затем (если давление усиливается, а режим не сворачивает либерализацию) на расширение пространства политического участия, что, в свою очередь, приводит к размежеваниям внутри правящих групп и к вовлечению оппозиции в политический процесс. Исходя из этой перспективы, волну политического протеста 2011-2012 годов можно рассматривать как первый (хотя и необходимый, но явно недостаточный) шаг на пути «ползучей демократизации» страны. Конечно, «срывы», отход от демократизации, и возврат к статус-кво и/или к другим формам авторитаризма ничуть не менее вероятны, чем возможность «истории успеха». Но стратегия правящих групп по сохранению и удержанию электорального авторитаризма может измениться лишь если и когда давление со стороны оппозиции будет не просто усиливаться, но также носить одновременный и кумулятивный характер по разным направлениям: различные социальные группы и политические силы будут способны сплотить на основе негативного консенсуса и мобилизовать значительную часть своих сторонников. Пока ситуация далека от такого развития событий.

Важнейшим механизмом, способным подорвать нынешнее авторитарное равновесие в России, помимо массовых протестных выступлений в разных формах, служат выборы. Это не означает, что переход России к демократии, если и когда он произойдет, станет результатом победы оппозиции над правящей группой на выборах при сохранении электорального авторитаризма. Последний в обозримом будущем сам собой не исчезнет, и в этом плане можно говорить лишь об «опрокидывающем» эффекте выборов. Но кооперация оппозиции, выдвижение ею согласованных кандидатов и списков, и, в конце концов, поддержка любых кандидатов, кроме кандидатов «партии власти», могут нанести Кремлю максимальный урон. И если региональные и местные выборы повлекут за собой целый каскад «опрокидывающих» эффектов, то нельзя исключить, что правящая группа будет вынуждена пойти по пути гораздо более серьезной и опережающей либерализации режима в преддверии общенационального цикла выборов, а то и ранее, меняя формальные и неформальные правила их проведения и расширяя политические возможности (Tarrow, 1994) для оппозиции. В этом случае можно ожидать, что все чаще будут наблюдаться примеры того, как некогда лояльные «попутчики» правящих групп начнут выступать под лозунгами оппозиции и опираться на ее поддержку, апеллируя к протестным настроениям избирателей. При таком развитии событий выборы могут стать ключевым вызовом сохранению режима статус-кво, и тогда электоральный авторитаризм начнет уступать место электоральной демократии.

Вместо заключения: задача со многими неизвестными

Список неизвестных величин, которые могут обусловить тот или иной вариант эволюции политического режима, привести к смене одного из них на другой либо к некоему их сочетанию, слишком широк и не специфичен по отношению к сегодняшней России (Huntington, 1991). Но есть как минимум две переменные, динамика которых особенно значима в нынешнем российском контексте – от нее зависит, в каком именно направлении могут оказаться «развернуты» возможные изменения режима.

Во-первых, на уровне политического спроса речь идет об изменениях общественных настроений (и на уровне элит, так и на уровне общества в целом) и связанных с ними сдвигов в политическом поведении россиян. Эти тренды поддаются оценке с большим трудом в условиях авторитарных режимов, поскольку данные подчас оказываются систематически искажены из-за эффекта «фальсификации предпочтений» (Kuran, 1991): своего рода «фиги в кармане»: когда вместо истинных предпочтений граждане сообщают

сведения, социально приемлемые с точки зрения режима. Иногда эту «фигу» граждане начинают демонстрировать властям в самый неожиданный «критический момент»: смена декларируемых предпочтений может повлечь за собой даже крах авторитарного режима. Но подчас «фига» может оставаться в кармане на протяжении долгого времени, и истинные предпочтения граждан неизвестно до тех пор, пока новые вызовы сохранению статус-кво не возникнут как бы «из ниоткуда». А поскольку внешне стабильный авторитарный режим может оказаться опрокинут в любой вдруг возникший «критический момент», то поведение всех участников политического процесса становится заведомо непредсказуемо

Во-вторых, на уровне политического предложения ключевым вопросом для выживания любых авторитарных режимов является то, насколько правящие группы готовы пустить в ход механизмы силового подавления своих противников, а также возможные последствия таких шагов. В российском случае эта проблема стоит особенно остро. Лидеры многих репрессивных режимов обычно не слишком задумываются о применении силы, когда речь идет о малейших угрозах их выживанию, и массовое политическое насилие (а то и просто убийства) своих сограждан для них – дело рутинное (Davenport, 2007). Иначе, однако, обстоят дела для авторитарных режимов, не практикующих массовые репрессии или от них давно отказавшихся; в ситуации вынужденного поворота от «пряника» к «кнуту» они могут оказаться перед нелегким выбором. Даже если репрессии не влекут за собой непосредственных политических последствий для режима, они надолго определяют выбор стратегии правящих групп (как это было в СССР после бойни в Новочеркасске в 1962 году). Ключевой вопрос «бить или не бить (массы, выступающие против режима)?» решается порой в зависимости от предшествующего опыта применения правящими группами массового насилия, подобно ситуации в Китае в 1989 году. Силовое подавление протеста на площади Тяньаньмынь стало возможно в силу того, что в ходе дискуссий в руководстве страны по поводу тактики противодействия оппозиции взяли верх ветераны революции, привыкшие убивать сограждан со времен борьбы компартии за завоевание власти (McAdam et al., 2001: 307-322). Российский опыт в этом отношении специфичен и в силу низкого уровня репрессивности режима, и из-за ненадежности средств массового подавления. Но неверно было бы и сводить этот вопрос лишь к техническим границам возможностей подавления, которые оказываются пройдены, если и когда акции протеста принимают действительно масштабный характер (Przeworski, 1991: 64). Скорее, вопросы стоят в иной последовательности: (1) решатся ли российские лидеры в случае реальной или воображаемой угрозы их политическому выживанию отдать приказ о массовом насилии в отношении сограждан, (2) если да, будет ли этот приказ успешно выполнен, и позволит ли насилие устранить угрозу, и (3) если да, окажутся ли российские лидеры в результате заложниками исполнителей своего приказа. Ответы на них, как минимум, неочевидны.

Даже ограничив перечень неизвестных величин двумя параметрами – (1) «фальсификация предпочтений» и слабая предсказуемость поведения россиян; и (2) уровень готовности и способности правящих групп эффективно подавлять сопротивление граждан, можно сделать вывод о тщетности попыток оценить шансы дальнейших изменений российского режима. Но важнее общая логика политической эволюции, позволяющая за «деревьями» текущих событий увидеть «лес» тех процессов, которые определяют настоящее и могут определить и будущее российского электорального авторитаризма.

Крах коммунистического режима и распад СССР произошли в 1991 году, когда многим наблюдателям казалось, что новый глобальный процесс всеобщего и полного перехода к демократии захватит, в том числе, и постсоветские страны, которые «по умолчанию» обречены на то, чтобы стать демократическими (Huntington, 1991). Эти ожидания сбылись или не в полной мере, или не сбылись вовсе: Россия здесь не оказалась исключением. То, о чем двадцать с лишним лет назад говорили как о появлении на свет новой постсоветской демократии в России, на деле оказалось лишь болезненным распадом прежнего режима и

последующим не менее болезненным становлением нового авторитаризма, ставшим частью глобальной тенденции формирования электоральных авторитарных режимов, затронувшей многие страны и регионы мира (Levitsky, Way, 2010; Morse, 2012). Но хотя, казалось бы, за два десятилетия строительства авторитаризма правящие группы смогли наглухо заколотить «окно возможностей» демократизации, но ситуация в России начинает меняться – в частности, благодаря тому, что россияне, пусть медленно, но учатся на ошибках недавнего прошлого, а также оттого, что со сменой поколений в Россию, пусть и не сразу, проникает ветер перемен. «Опрокидывающие выборы» и волна протестов 2011-2012 годов позволили приоткрыть если не окно, то «форточку» возможностей для движения к демократизации России, и понимание необходимости этого процесса наряду с неприятием режима электорального авторитаризма сегодня ширятся среди различных групп российского общества.

Опыт постсоветского развития не прошел зря: спустя более двух десятилетий после распада СССР страна кажется лучше готовой к осмысленной и целенаправленной демократизации, нежели в начале 1990-х годов, несмотря на то, что условия для нее сегодня менее благоприятны, чем непосредственно после падения коммунистического режима. Общественный спрос на демократизацию в России, будучи предъявлен властям, со временем, скорее всего, будет расти, и это дает основания рассчитывать на то, что наша страна в процессе смены политического режима не будет вновь попадать из огня да в полымя, подобно тому, как произошло в 1990-е и особенно в 2000-е годы. И потому лозунг участников оппозиционных митингов – «Россия будет свободной!» – может выступать не просто призывом, но стать ключевым аспектом политической повестки дня нашей страны в обозримом будущем. Россия на самом деле будет свободной страной. Вопрос состоит в том, когда именно, каким образом, и с какими издержками она пройдет свой путь к свободе.

Литература

- Афанасьев М., 2009, *Российские элиты развития: запрос на новый курс*, М.: Либеральная миссия.
- Белановский С., Дмитриев М., 2011, *Политический кризис в России и возможные механизмы его развития*, М.: Центр стратегических разработок.
- Гайдар М., Снегова М., 2012, Дремлет притихший северный город, *Ведомости*, 3 февраля.
- Гельман В., 2010, «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России, *Полития*, №2, С.6-24.
- Гельман В., 2012, Трещины в стене, *Pro et Contra*, т.16, №1-2, С.94-115.
- Голосов Г., 2012, *Демократия в России: инструкция по сборке*, СПб: БХВ-Петербург.
- Левада-центр, 2012, *Индексы одобрения деятельности Владимира Путина и Дмитрия Медведева* <http://www.levada.ru/indeksy> (доступ 14.09.2012).
- Общество, 2012, *Общество и власть в условиях политического кризиса*, Доклад экспертов Центра стратегических разработок Комитету гражданских инициатив <http://www.echo.msk.ru/doc/891815-echo.html> (доступ 14.09.2012).
- Рогов К., 2010, Гипотеза третьего цикла, *Pro et Contra*, т.14, №4-5, С.6-22.
- Рыженков С., 2011, Перспективы демократизации России: стратегический подход (первое приближение), *Неприкосновенный запас*, №1, С.87-105.
- Штыков П., 2003, Деконструкция революции, в: П.Штыков, С.Шваниц (ред.), *Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей*, т.2, СПб-М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, с.264-299.
- Эпоха, 2001, *Эпоха Ельцина: Очерки политической истории*, М.: Вагриус.
- Beissinger M., 2007, Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer / Rose / Orange / Tulip Revolutions, *Perspectives on Politics*, vol.5, N2, P. 259-276.
- Bogaards M., 2009, How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism, *Democratization*, vol. 16, N2, P.399-423.
- Bunce V., Wolchik S., 2009, Getting Real about “Real Causes”, *Journal of Democracy*, vol.20, N1, P.69-73.
- Collier D., Collier R.B., 1991, *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collier D., Levitsky S., 1997, Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research, *World Politics*, vol.49, N3, P.430-451.
- Davenport C., 2007, *State Repressions and the Domestic Democratic Peace*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Easton D., 1975, A Re-Assessment of the Concept of Political Support, *British Journal of Political Science*, vol.5, N4, P.435-457.
- Eckstein H., 1975, Case Study and Theory in Political Science, in: F.Greenstein, N.Polsby (eds.), *Handbook of Political Science*, vol.7, P.79-138.
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E., 2011, Media and Political Persuasion: Evidence from Russia, *American Economic Review*, 2011, vol.101, N7, P.3253-3285
- Fish M.S., 2005, *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Frye T., 1997, A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies, *Comparative Political Studies*, vol.30, N5, P.523-552.
- Gandhi J., 2008, *Political Institutions under Dictatorship*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Geddes, B., 2005, *Why Elections and Parties in Authoritarian Regimes?* Paper presented at the APSA annual meeting, Washington, DC.
- Gel'man V., 2008a, Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy, *Europe-Asia Studies*, vol.60, N6, P.913-930.
- Gel'man V., 2008b, Out of the Frying Pan, Into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective, *International Political Science Review*, vol.29, N2, P.157-180.
- Gel'man V., 2010, The Dynamics of Sub-National Authoritarianism: Russia in Comparative Perspective, in: V.Gel'man, C.Ross (eds.), *The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia*, Farnham: Ashgate, P.1-18.
- Golosov G.V., 2011, Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia, *Europe-Asia Studies*, vol.63, N4, P.623-639.
- Greene K., 2007, *Why Dominant Parties Lose*, Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

- Hale H., 2005, Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia, *World Politics*, vol.58, N1, P.133-165.
- Hale H., 2006, *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hale H., 2011, The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime, *Europe-Asia Studies*, 2011, vol.63, N8, P.1357-1375
- Hermet G., Rose R., Rouquie A., eds., 1978, *Elections without Choice*, London: Macmillan.
- Hirschman A., 1970, *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*, Cambridge, MA: Harvard University Press
- Howard M.M., 2003, *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington S., 1991, *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Norman, OK: University of Oklahoma Press.
- Key V.O., 1966, *The Responsible Electorate*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Krastev I., Holmes S., 2012, An Autopsy of Managed Democracy, *Journal of Democracy*, vol.23, N3, P.33-45.
- Kuran T., 1991, Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989, *World Politics*, vol.44, N1, P.7-48.
- Kricheli R., Livne Y., Magaloni B., *Taking to the Streets: Theory and Evidence of Protests under Authoritarianism*, Manuscript, Stanford University, 2011
http://iis-db.stanford.edu/pubs/23341/TakingToTheStreets_7-11-11.pdf (доступ 14.09.2012).
- Levitsky S., Way L., 2010, *Competitive Authoritarianism after the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Linz, J.J., 1990, The Perils of Presidentialism, *Journal of Democracy*, vol.1, N1, P.51-69.
- Lonkila M., 2012, Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011, *Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers*, 2012, N98
http://www.fiia.fi/en/publication/244/russian_protest_on-_and_offline/ (доступ 14.09.2012)
- Magaloni B., 2010, The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule, *American Journal of Political Science*, vol.54, N3, P.751-765.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch., 2001, *Dynamics of Contention*, Cambridge: Cambridge University Press.
- McFaul, M., 2000, One Step Forward, Two Steps Back, *Journal of Democracy*, vol.11, N3, P.19-33.
- Morse Y.L., 2012, The Era of Electoral Authoritarianism, *World Politics*, vol.64, N1, P.161-198.
- Petrov N., Lipman M., Hale H., 2010, Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes, *Carnegie Papers*, N106.
- Przeworski A., 1991, *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Remington T., 2006, Presidential Support in the Russian State Duma, *Legislative Studies Quarterly*, vol.31, N1, P.5-32.
- Reuter O.J., Remington T., 2009, Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia, *Comparative Political Studies*, vol.42, N4, P.501-526.
- Robertson G., 2007, Strikes and Labor Organizations in Hybrid Regimes, *American Political Science Review*, vol.101, N4, P.781-798.
- Rose R., Mishler W., 2009, How Do Electors Respond to an “Unfair” Election? The Experience of Russians, *Post-Soviet Affairs*, vol.25, N2, P.118-136;
- Rose R., Mishler W., Munro N., 2011, *Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rose R., Munro N., Mishler W., 2004, Resigned Acceptance of an Incomplete Democracy: Russia’s Political Equilibrium, *Post-Soviet Affairs*, vol.20, N3, P.195-218.
- Sakwa R., 2008, Two Camps? The Struggle to Understand Contemporary Russia, *Comparative Politics*, vol.40, N4, P.781-799.
- Schedler A., 2002, Elections without Democracy: The Menu of Manipulations, *Journal of Democracy*, vol.13, N2, P.36-50.
- Schedler A. (ed.), 2006, *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Shevtsova L., 1999, *Yeltsin’s Russia: Myths and Reality*, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

- Shevtsova L., 2000, Can Electoral Autocracy Survive? *Journal of Democracy*, vol.11, N3, P.36-39.
- Shvetsova O., 2003, Resolving the Problem of Preelection Coordination: The 1999 Parliamentary Elections as an Elite Presidential “Primary”, in: V.Hesli, W.Reisinger (eds.), *The 1999-2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy*, Cambridge: Cambridge University Press, P.213-231.
- Tarrow S., 1994, *Power in Movement: Collective Action, Social Movements, and Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Treisman D., 2011, Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin, *American Journal of Political Science*, vol.55, N3, P.590-609.
- Tucker J., 2007, Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions, *Perspectives on Politics*, vol.5, N3, P.535-551.
- Way L., 2005, Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine, *World Politics*, vol.57, N2, P.231-261.
- Way L., 2008, The Real Causes of the Color Revolutions, *Journal of Democracy*, vol.19, N3, P.55-69.
- Wilson A., 2005, *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*, New Haven: Yale University Press.
- Wilson K., 2012, How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis, *Europe-Asia Studies*, vol.64, N1, P.145-168.